

Андрей Андреевич
Ремнев

1,3 миллиарда долларов в вагоне трамвая

Патриот Внешэкономбанка

14 июля 1999 года у меня дома раздался звонок из секретариата Председателя Внешэкономбанка, и мне сообщили, что Председатель Андрей Леонидович Костин подписал приказ о создании в банке депозитария. С тех пор ежегодно мы, сотрудники Депозитария Внешэкономбанка, именно в этот день отмечаем день рождения нашего подразделения, несмотря на то, что формально приказ был датирован 15 июля.

С Внешэкономбанком меня связывает многое. Именно здесь я начинал свою трудовую деятельность, а какое-то время даже возглавлял комитет комсомола банка. Будучи студентом 5 курса факультета международных экономических отношений Московского финансового института¹, я устроился на работу в Банк для внешней торговли СССР (Внешторгбанк СССР), который позже был переименован во Внешэкономбанк СССР².

Меня взяли фактически в ведущее управление — Управление валютно-кассовых операций, в отдел банков стран Азии, Африки и Латинской Америки. Наше управление занималось установлением корреспондентских отношений с иностранными банками, урегулированием всех вопросов, связанных с расчетами по экспорту-импорту.

Тогда мне удалось с головой окунуться в самую настоящую банковскую жизнь. Нужно отметить, что порядки и трудовая дисциплина в то время были крайне жесткими. Руководителем нашего подразделения был Томас Иванович Алибегов, он пришел на эту должность после Виктора Владимировича Геращенко. Позже Алибегов стал заместителем Председателя Правления Внешторгбанка. Его замом была Федосья Петровна Алексеева — банкир еще сталинской школы, которая работала во времена, когда на работу в банк ходили в униформе, а опоздание на работу на 1 минуту приравнивалось к преступлению, которое соответствующим образом каралось. Вот под началом людей с такой закалкой нам приходилось работать. В управлении был чрезвычайно жесткий режим работы с бумагами. На каждом входящем документе ставились сроки исполне-

¹ Сейчас Финансовая академия при Правительстве РФ.

² В то время АОТ «Внешторгбанк».

А. А. Ремнев

ния, которые очень строго контролировались. Попробуй только не выполнить! Любая просрочка — и минус квартальная премия!

Опыт такой работы помог выработать внутреннюю дисциплину, что очень сильно помогло мне впоследствии, выработало навыки, необходимые для работы в депозитарной сфере.

А. А. Ремнев

1996–1999

Заместитель
начальника Депозитария
ОАО Внешторгбанк

1999 — наст. время

Начальник Депозитария
Внешэкономбанка

Для непосвященных людей Внешэкономбанк может показаться несколько «странной» организацией. Во-первых, этот банк ведет работу не на основании лицензии, как это делают все остальные банки в России, во-вторых, до сих пор на печати банка красуется герб Советского Союза. К тому же, очень часто те, кто рассказывают о Внешэкономбанке, то и дело сбиваются и называют его Внешторгбанком. Чтобы избежать путаницы, следует сделать небольшой исторический экскурс.

Дело в том, что финансовое учреждение, которое сейчас называется «Банк внешнеэкономической деятельности СССР» (Внешэкономбанк СССР, или просто Внешэкономбанк-ВЭБ), появилось 18 августа 1922 года и называлось «Российский коммерческий банк». «Роскомбанк» стал первым коммерческим банком, учрежденным на территории Советской России. Позже, 7 апреля 1924 года банк был переименован в «Банк для внешней торговли СССР» (Внешторгбанк СССР). В 1988 году банк был еще раз переименован и стал называться «Внешэкономбанк СССР». Сейчас в России существует ОАО ВТБ, но этот банк юридически не имеет никакого отношения к тому, прежнему Внешторгбанку — Внешэкономбанку, фактическая история которого насчитывает более 80 лет, хотя многие со-

трудники нынешнего ВТБ и работали в свое время во Внешэкономбанке, включая и сегодняшнего главу ВТБ — Андрея Леонидовича Костина.

С точки зрения правового регулирования, Внешэкономбанк — абсолютно уникальный для России субъект. Дело в том, что свою деятельность банк осуществляет на основании Постановления Правительства, Указа Президента и постановления Совета директоров Центрального банка РФ, а не на основании лицензии, выдаваемой ЦБ РФ. Причина этого одна — банк является не хозяйственным обществом (ОАО, ЗАО или ООО), а специализированным государственным учреждением. С одной стороны, такой статус выделяет ВЭБ из всего круга кредитных учреждений, в какой-то мере подчеркивая его статус, с другой — достаточно серьезно осложняет жизнь, ведь, не будучи хозяйственным обществом, банк не имеет возможности получить определенные лицензии, например, лицензию на деятельность специализированного депозитария паевых и негосударственных пенсионных фондов.

Депозитарные университеты

Моя деятельность в депозитарной сфере началась 10 лет назад в 1996 году в ОАО «Внешторгбанк» — не путать с Внешторгбанком СССР. Я пришел туда на работу в Управление депозитарно-доверительных операций. Это было молодое подразделение, которое только-только начинало свою работу, и главная задача, стоявшая на тот момент перед этим подразделением, заключалась в создании системы депозитарно-кастодиального обслуживания клиентов.

Поводов же для создания депозитария во Внешторгбанке было два. Во-первых, мы стремились развивать современный депозитарный, или кастодиальный, бизнес в соответствии с международными стандартами и к этому нас подталкивали наши крупные клиенты, такие, например, как Bank of New York. Второй же повод был законодательного плана — вышел Приказ 259 ЦБ, утвердивший Инструкцию № 44, по которой все банки должны были создавать в своей структуре депозитарии и вести депозитарный учет как собственных операций, так и клиентских.

Сейчас с улыбкой вспоминаю, как, только-только придя на работу, я увидел на столе начальника отдела обслуживания Станислава Владимировича Шумилова книгу «Атлас кастоди» на английском языке. Я тогда спросил: «А что такое кастоди?» «Ах, кустодии, — говорит Шумилов специально коверкая слово, — возьми — почитай». Я взял книгу, прочитал ее один раз, но, даже хорошо зная английский язык, мало что понял. Решил, что для того, чтобы разобраться, нужно конспектировать. Стал конспектировать книгу и шаг за шагом начал осваивать терминологию и общую логику работы рынка кастодиального обслуживания в его современном понимании.

К тому моменту практически весь учет собственных и клиентских бумаг осуществлялся во Внешторгбанке в управлении ценных бумаг. Внутри этого подразделения, занимавшегося торговлей на фондовом рынке, существовал бэкофис, затем появились отдел учета, отдел расчетов по ценным бумагам, а чуть позже — отдел текущих счетов, который обслуживал специальные валютные счета для расчетов по облигациям внутреннего государственного валютного займа.

Параллельно в ВТБ было создано управление депозитарно-доверительных операций, и когда встал вопрос о создании в банке полноценного депозитария, то было решено объединить это управление с профильными отделами управления ценных бумаг. Вот тогда, как кур в ощиц, я со своими коллегами попал в самое жерло процесса по строительству депозитария. Фактически предстояло перестроить на депозитарный лад всю учетную работу управления ценных бумаг. Причем, так как к тому времени уже появилась Инструкция № 44, банку необходимо было перейти на депозитарный учет в достаточно короткие сроки, что, учитывая, масштабы деятельности, было сделать очень непросто. Помню, как в апреле

1997 года центральная бухгалтерия попросила доложить о том, завершен ли переход на депозитарный учет, на что я ответил, что даже, если Президент Ельцин потребует перейти, то мы не сможем этого сделать, так как необходимые технологии для этого еще не подготовлены. Правда, в установленный срок мы с автоматизаторами банка обеспечили возможность формирования итоговых документов по результатам работы за каждый день и документов ежеквартальной депозитарной отчетности в соответствии с требованиями Центрального Банка, но внутри еще некоторое время вели учет ценных бумаг по старым технологиям, фактически с использованием счетов ответственного хранения.

В управлении депозитарно-доверительных операций Внешторгбанка на момент создания депозитария работало человек 20. При создании депозитария после объединения с несколькими отделами управления ценных бумаг, получилось подразделение с общей численностью чуть более 60 человек. Возглавил его Дмитрий Леонидович Мозгин, до этого бывший начальником управления депозитарно-доверительных операций, а я стал его заместителем.

Рынок ОВГВЗ

Создание депозитария Внешторгбанка неразрывно связано с функционированием рынка облигаций внутреннего государственного валютного займа (ОВГВЗ), или «вэбовок», как принято их называть в профессиональном сообществе.

ОВГВЗ были выпущены в 1993 году в результате фактического дефолта СССР и блокирования средств на счетах клиентов во Внешэкономбанке СССР. Физическим лицам, чьи валютные средства находились на счетах во Внешэкономбанке, деньги были выплачены в «живом» виде, а юридическим лицам вместо денежных средств причитались облигации.

Облигации выпускались в долларах США на предъявителя в документарной форме несколькими сериями. Всего таких серий было 7. Впоследствии к этим бумагам добавились еще облигации государственного валютного займа 1999 года, выпущенные в порядке новации ОВГВЗ III серии. Бумаги были достаточно большого номинала — 1000, 10 000 и 100 000 долларов США, поэтому операциями с ними занимались практически только юридические лица. По ОВГВЗ был установлен купонный доход в размере 3% годовых в валюте, который не облагался налогами и выплачивался один раз в год.

Облигации первой серии были погашены в 1994 году, второй — в 1996 году, ОВГВЗ III серии не гасились, по ним в 1999 году проводилась новация, четвертая серия была погашена в 2004 году, шестая — в 2006 году, а пятая — самая большая по объему выпуска серия — в обращении находится бумаги этой серии на сумму 2,8 млрд долларов США — должна быть погашена в 2008 году, последняя — седьмая серия будет гаситься в 2011 году. По условиям выпуска держатели этих бумаг имеют право

предъявлять их к оплате и погашению в течение 10 лет с даты официального погашения, т. е. если в 2011 году произойдет погашение последних, то в принципе держатели облигаций смогут до 2021 года предъявлять их к оплате и погашению. Дополнительно 3 года по истечении этих десяти лет предусмотрено на предъявление претензий, то есть формально история вэбовок должна закончиться в 2024 году. Правда, сейчас периодически появляются идеи о том, чтобы сократить эти сроки, но пока они так и не материализовались.

В целом можно сказать, что получился достаточно интересный для участников финансового рынка инструмент, что было подтверждено созданием активного вторичного рынка этих бумаг уже в 1994 году. Это произошло после погашения ОВГВЗ I серии в 1994 году, когда участники рынка убедились, что государство серьезно намерено расплачиваться по своим долгам.

Когда рынок «вэбовок» самостоятельно вырос и развился, возникла идея централизовать его, чтобы упорядочить расчеты, привлечь на этот рынок иностранных участников. Делать это под крылом Внешэкономбанка, за которым была закреплена функция платежного агента Минфина по выплате процентов и дальнейшему погашению ОВГВЗ, было сложно — к тому времени будущее и статус ВЭБа были неопределенными. В то время многие операции ВЭБа были переведены во Внешторгбанк, и после ряда переговоров с Минфином следом туда же переместили и рынок «вэбовок». За ВЭБом же осталась функция платежного агента по этим облигациям. Первоначально кроме ВЭБа Министерством финансов был определен список дополнительных платежных агентов по ОВГВЗ, в который входило более 20 коммерческих банков, но позже, где-то после кризиса 1998 года, остались только 2 дополнительных платежных агента — Сбербанк и Внешторгбанк.

Для обслуживания данного рынка во Внешторгбанке было создано управление ценных бумаг. ВТБ удалось договориться с потенциальными крупными участниками рынка «вэбовок» о единых условиях торговли на рынке облигаций. Расчеты стали проводиться по формуле $t+7$, то есть на седьмой день после заключения сделки. Минимальный лот для вэбовок был определен в 2 миллиона долларов США — сумма по тем временам очень большая. Договоренность о размерах лота была достигнута между крупнейшими участниками. Но также сохранялась возможность торговли и мелкими лотами.

Основную роль в формировании рынка «вэбовок» при ВТБ сыграли Валерий Иванович Новиков, бывший в то время руководителем управления ценных бумаг банка и его заместитель Наталья Александровна Трубенкова. Наталью Александровну можно по праву считать «мамой» рынка «вэбовок».

Для участия на организованном внебиржевом рынке «вэбовок» владельцы облигаций открывали в ВТБ счета ответственного хранения, а сами

бумаги передавались в хранилище Вешторгбанка (размещавшееся, кстати, в одном здании с ВЭБом).

По счетам ответственного хранения проводились только приходно-расходные операции, системы двойной записи не существовало. Позже, после выхода 44-й Инструкции и внедрения в банке депозитарного учета, появились активные и пассивные счета-депо, и была внедрена система ведения счетов, принятая в современной бухгалтерии.

Изначально рынок ОВГВЗ по своим объемам был даже крупнее рынка ГКО, хотя развивались они фактически параллельно. К 1997 году объем рынка составлял 10,3 млрд долларов США, а ежемесячный оборот по вэбовкам достигал 45 млрд долларов. Ежедневно через Внешторгбанк проходило около 1300 сделок. Поскольку на рынке было много крупных российских и иностранных участников, объемы сделок были большими — случались сделки в 5–7 и более млн долларов. Однако, несмотря на создание хорошо организованного рынка этих облигаций, «вэбовки» так и не стали биржевым товаром. Основных причин было несколько. Выпуски облигаций были разные по своей структуре, а облигации — по номиналу. Из-за того, что у каждой облигации был свой индивидуальный признак в виде номера, приходилось учитывать его для каждой ценной бумаги, что также сделало малоприспособленным такой инструмент для биржевой торговли.

Наличная форма выпуска и индивидуальные номера послужили причиной частых арестов, налагаемых на отдельные облигации. Еще при получении облигаций во Внешэкономбанке в наличном виде всех владельцев предупреждали о том, что хранение бумаг вне единого централизованного хранилища делает такую бумагу очень опасным инструментом. Ее могут украсть, она может сгореть, потеряться. Внешэкономбанк, выдававший бумаги, настойчиво уговаривал всех владельцев передавать бумаги на счета ответственного хранения во Внешторгбанк, но далеко не все владельцы последовали этим советам.

В результате того, что бумаги находились в свободном обращении, наряду с организованным при ВТБ рынком, существовал и неорганизованный рынок, «вэбовки» можно было фактически купить с рук. Бумаги постоянно «кочевали» из рук в руки и часто переходили из такого неорганизованного рынка в организованный. При этом иногда обнаруживалось, что на организованном при ВТБ рынке появлялись похищенные бумаги, находившиеся в розыске. В таком случае следственные органы обращались в ВТБ, где хранились эти бумаги, с намерением изъять или арестовать бумаги. Представители банка всегда настойчиво стояли на позиции, что физически изыматься из хранилища такие бумаги не могут — на них может быть наложен арест, при этом все операции с такими бумагами прекращаются, но они по-прежнему должны находиться на счетах клиентов и физически оставаться в хранилище банка. Причина такой настойчивости была одна — банк отвечал за бумаги, переданные

ему на хранение перед клиентами, каждый из которых без труда мог доказать, что является добросовестным их приобретателем, ведь участниками этого рынка были очень серьезные и крупные структуры.

Правда, один случай, когда бумаги из хранилища Внешторгбанка были изъяты правоохрательными органами, все-таки произошел, и банк достаточно дорого за него заплатился. Случай этот произошел с бумагами, принадлежащими компании «Грознефть», которые были похищены из хранилища филиала Кредо-Банка в разрушенной столице Чечни в 1996 году. Похищенные облигации появились на рынке, и в результате многочисленных сделок оказались на счетах других владельцев.

Когда следственные органы стали искать исчезнувшие из Грозного бумаги, то они были обнаружены во Внешторгбанке, где находились на ответственном хранении. Тогда у сотрудников банка не хватило твердости противостоять натиску следователей, и вэбовки из хранилища банка изъяли. При этом владельцу, разместившему в ВТБ бумаги, без труда удалось доказать, что он является добросовестным приобретателем, и в итоге виноватым в том, что бумаги со счета владельца исчезли, был признан Внешторгбанк. Подобные попытки делались достаточно часто, но после этого случая банк твердо стоял на том, что бумаги он выдавать не имеет права. Не имея возможности изъять бумаги, представители правоохранительных органов стали налагать аресты на облигации, то есть запрещать проводить с ними какие-либо операции.

Аресты бумаг были достаточно частыми и абсолютно неожиданными для участников рынка. Как правило, сделки с «вэбовками» заключались на сумму номинала. При этом, дав поручение на перевод бумаг с одного счета в ВТБ на другой, клиенты не знали и не могли знать, какие конкретно номера сертификатов «вэбовок» будут переведены по счетам. Автоматизированная операционная система в ВТБ, которая использовалась для обслуживания «вэбовок», отбирала номера сертификатов облигаций под каждую сделку автоматически по определенному алгоритму, который не был известен клиентам. Поэтому в контексте арестов ОВГВЗ иностранцы называли операции с этими бумагами «русской рулеткой». Любой из участников рынка в любой момент мог оказаться жертвой ареста облигаций. Риск получить облигации, которые кто-то когда-то объявил в розыск, существовал для каждого участника рынка.

Самым крупным стал единовременным арест облигаций на сумму более 50 млн долларов США в 1996 году. Участников рынка арест облигаций на столь большую сумму привел в состояние шока.

Единственным решением проблемы с арестами могла бы стать дематериализация рынка облигаций внутреннего государственного валютного займа с отказом от номеров. С таким предложением в 1997 году выступил Национальный депозитарный центр. Был подготовлен проект, кото-

рый долгое время НДЦ пытался согласовать с Минфином, ЦБ и ФКЦБ. Первоначально все были согласны! В данном проекте речь шла о том, чтобы аккумулировать в одном месте облигации владельцев, которые были готовы отказаться от документарной формы. На аккумулированный объем бумаг должен был выпускаться так называемый частичный глобальный сертификат. Сумму этого сертификата предстояло бы постоянно менять, т. к. запретить владельцам ценных бумаг сдать их на централизованное хранение либо изъять их из централизованного фонда хранения было невозможно.

Но излишняя гибкость, заложенная в этот проект, и стала причиной того, что он оказался нереализованным. В результате долгого обсуждения Минфин «зарубил» эту идею. Облигации продолжали обращаться в документарном виде и периодически попадать под аресты.

Внешторгбанк, как хранитель облигаций, всегда твердо стоял на позиции, что если у кого-то из его клиентов обнаруживаются украденные облигации, то такие бумаги нельзя было не только изымать, но и арестовывать, если нет прямых доказательств причастности этого клиента к совершенному преступлению. Представители правоохранительных органов, зная уже принципиальную позицию ВТБ относительно таких попыток, шли на хитрости. Однажды к нам пришел следователь с постановлением на осмотр облигаций, которые находились на счете одного из клиентов, но были объявлены в розыск. Когда его пустили в хранилище и позволили произвести осмотр, (хотя, что там смотреть-то!), он достал другое постановление — на изъятие облигаций. Сотрудницам хранилища банка, сопровождавшим этого находчивого товарища, пришлось буквально силой отбивать клиентские бумаги.

Для того чтобы как-то урегулировать ситуацию с постоянными попытками правоохранительных органов арестовать или изъять облигации, была проделана большая работа с представителям Генеральной прокуратуры. В результате по линии этого ведомства было выпущено Указание, которое предусматривало арест облигаций только в случае, когда они «являлись собственностью обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия». Но данное указание не распространялось на деятельность судов и попытки арестовать облигации продолжались на основании судебных решений. Проблема эта остается нерешенной до конца и по сей день.

Новация ОВГВЗ

14 мая 1999 года наступал срок погашения ОВГВЗ III серии. Министерству финансов РФ предстояло выплатить держателям облигаций 1,322 млрд долларов США. Денег таких после дефолта и кризиса 1998 года у Правительства не было. В мае 1999 года было выплачено только чуть более 300 млн долларов в виде дохода по последнему купону ОВГВЗ III серии.

К тому времени многим участникам рынка было понятно, что погашения этих облигаций, скорее всего, не будет, и котировки на облигации III серии в конце зимы — начале весны 1999 года снизились до 6–7% от номинальной стоимости. При этом очень активно покупать облигации стали физические лица, видимо, рассчитывая, что и по «вэбовкам» Правительством будут предложены аналогичные условия погашения, как это произошло с ГКО, когда для частных инвесторов были предоставлены льготные условия. Расчет этот не оправдался. Как физическим, так и юридическим лицам были предложены одинаковые условия новации. Причина тому — опять же, в документарной форме выпуска бумаг, при которой в отсутствие единого реестра владельцев бумаги, фактически принадлежавшие юридическим лицам, могли быть предъявлены для погашения любым физическим лицом.

После длительных переговоров было принято решение о конвертации ОВГВЗ III серии в рублевые облигации федерального займа или в номинированные в долларах США новые облигации, выпускаемые в порядке новации — облигации государственного валютного займа (ОГВЗ) 1999 года.

Облигации федерального займа (ОФЗ) были с купонным доходом 15% годовых в рублях в первые два купонных периода и 10% годовых — в остальные. Срок погашения этих облигаций был установлен 14 ноября 2003 года. Позже Правительство отменило возможность обмена ОВГВЗ на ОФЗ и у владельцев «вэбовок» III серии осталась возможность обменять их только на облигации, номинированные в долларах США.

Порядок проведения новации ОВГВЗ был утвержден постановлением Правительства № 1306 от 29.11.1999. Новые бумаги номиналом 1000 долларов США были выпущены также под 3% годовых в валюте, при этом выплата купонного дохода по ним осуществлялась два раза в год — 14 мая и 14 ноября — 1,5% соответственно в каждый купонный период. Таким образом, с учетом капитализации процентов, доходность новых инструментов оказалась выше. К настоящему времени жизнь этих облигаций подходит к концу — половина суммы основного долга была погашена 14 ноября 2006 года, оставшаяся сумма по условиям эмиссии выплачивается 14 ноября 2007 года.

Выпуск новых облигаций должен был оформляться глобальным сертификатом, при этом облигации в наличном виде в свободное обращение, как это было с ОВГВЗ, не выпускались.

Технически реализовать операцию новации предстояло Внешэкономбанку, а точнее, его депозитарию. Согласно предложенному порядку проведения новации, всем держателям «вэбовок» третьей серии необходимо было сдать их во Внешэкономбанк, и написать заявление о том, что они добровольно готовы к проведению новаций. Далее эти заявления передавались в Министерство финансов, где давали «добро», и на счет владельцев или номинальных держателей вместо «вэбовок» III серии ставили облигации государственного валютного займа 1999 года. Реально

проведение новации началось с 2000 года, и в довольно короткий срок большая часть облигаций третьего выпуска была обменена. Большая часть «вэбовок» поступила из Внешторгбанка, так как там была сосредоточена значительная часть рынка.

Проведение новации «вэбовок» III серии решило основную проблему их вторичного обращения — облигации лишились документарной формы и свободного наличного обращения. Правда, и после проведения новации проблемы, связанные с арестами, преследовали некоторых владельцев облигаций — на некоторые бумаги накладывался арест уже после проведения новации, так сказать «вдогонку».

Реальный объем облигаций III серии, прошедших новацию, составил в сумме чуть более 900 млн долларов. По истечении пяти лет Правительством был установлен предельный срок для завершения новации III серии — облигации можно было обменять только до 30 августа 2005. В дальнейшем же новацию могли пройти только облигации III транша, получаемые в порядке первичного размещения, т. е. облигации, которые получали владельцы замороженных счетов во Внешэкономбанке, своевременно не сделавшие этого. Также право на проведение новации после 30 ноября 2000 года сохранили владельцы облигаций, которые не могли осуществить обмен из-за того, что на их ценные бумаги был наложен арест, а впоследствии арест был снят.

Вопрос о проведении новации оказался достаточно сложным. Для того чтобы выработать более или менее приемлемую схему, так называемый Московский клуб кредиторов собирался в Министерстве финансов раз пять! Причем такие заседания проходили 1 или 2 раза под председательством министра финансов Михаила Михайловича Касьянова, а также при участии заместителей министра Олега Вячеславовича Вьюгина и Вадима Борисовича Волкова. Владельцы ОВГВЗ, представляемые Московским клубом кредиторов, настойчиво пытались реализовать схему, по которой осуществлялись бы выплаты как и при новации ГКО. То есть с выделением отдельных категорий клиентов — владельцев облигаций и предоставлением им при новации, в зависимости от категории, неких льгот. Однако в итоге был утвержден общий для всех владельцев облигаций подход, предполагавший обмен одних ценных бумаг на другие.

Среди владельцев облигаций III серии оказались такие, кто активно не хотел менять облигации на новые с более длительным сроком погашения. Самым известным примером, пожалуй, стала компания «Русатоммет», которая долго и настойчиво добивалась от Правительства погашения своих облигаций.

24 мая 2005 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) обязал российское правительство выплатить компании «Русатоммет» задолженность по ОВГВЗ III серии в размере 100 тыс. долларов плюс компенсацию ущерба и пени. Речь идет об одной гособлигации из числа тех, по которым в конце девяностых был объявлен так называемый дефолт...

«Мы приходим в Министерство финансов и говорим: “Господа, вы должны заплатить”, — рассказывает советник генерального директора компании “Русатоммет” Владислав Гершкович. — Они спрашивают: “Кому?” Мы говорим: “Нам — вот есть договор займа”. Они отвечают: “Подождите полгода, мы подумаем, что с вами делать”. Прошло полгода, они заявляют: “Не потому, что мы вам что-то там должны, а просто из сочувствия мы решили предложить вам новацию — обмен ваших бумаг на облигации с более поздними сроками погашения”. — “А если мы не хотим?” — “А кто вас спрашивает?” — “Но ведь новация — это юридически добровольное дело”. — “Ну вы же сами все понимаете”. — “Тогда мы в суд пойдем”. — “Это ваше право”».

Уверенность минфиновских чиновников в том, что судебное разбирательство не изменит ситуацию, была небеспочвенной: решение суда гласило, что единственный путь погашения облигаций — это новация. «Мы направили протест в Высший арбитражный суд, но он лишь подтвердил это решение, — рассказывает Владислав Гершкович. — И тогда мы обратились в Страсбург, в Европейский суд по правам человека. Причем сразу по двум основаниям: во-первых, нас лишили собственности, а во-вторых, нас лишили права на справедливый суд».

В августе 2002 года ЕСПЧ обратился с запросом по делу «Русатоммета» в Высший арбитражный суд РФ (ВАС). Реакция последовала незамедлительно: дело отправили на пересмотр к тем же самым судьям. Однако на этот раз результаты судебных рассмотрений были кардинально другими: «Русатоммет» выиграл все слушания и в конце года получил исполнительный лист к Министерству финансов. «Но деньги по листу нам так и не выплатили, — говорит Владислав Гершкович. — Мы обратились в Службу судебных приставов (ССП), но это ничего не изменило. Мы пожаловались в суд уже на ССП, но судья заявил, что судебные приставы вообще не имеют права взыскивать что-либо с Министерства финансов. Тогда мы запросили суд, каким образом можно взыскать свои деньги с Минфина. И в суде нам сказали: “Вам надо договариваться”».

Тогда «Русатоммет» обратился в суд с требованием привлечь министра финансов к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта». Решение судьи повергло в шок даже выдавших виды юристов: «Так как не существует ни внутренних, ни внешних документов, регламентирующих порядок исполнения Министерством финансов судебного решения, то суд не видит, в чем заключалось бездействие министра финансов по неисполнению судебного решения». Другими словами, министр финансов не написал сам себе приказ о выполнении решений суда и поэтому может их не выполнять. Безуспешные попытки получить с Минфина деньги по исполнительному листу продолжались два года, после чего «Русатоммет» снова обратился в ЕСПЧ. В 2004 году из Страсбурга пришел ответ: Европейский суд по правам человека принял жалобу «Русатоммета»

к рассмотрению, поскольку неисполнение судебного акта является препятствованием доступу к правосудию, что нарушает ст. 6 «Конвенции о защите прав и свобод человека». О результатах этого рассмотрения мы и сообщили в начале статьи.

Максим Рубченко. Фантом частной собственности//
Эксперт, №24. 27.06.2005

1,3 миллиарда долларов в вагоне трамвая, или рождение депозитария Внешэкономбанка

Хранение и учет новых облигаций, выпускаемых в порядке новации ОВГВЗ III серии, как и саму процедуру новации должен был осуществлять Внешэкономбанк. Меня туда и пригласили для создания специализированного подразделения — депозитария. Во Внешторгбанке в то время я был заместителем начальника депозитария, и перспектива создать новое подразделение с нуля мне показалась крайне интересной.

Во Внешэкономбанке в то время существовал операционный департамент, внутри которого был отдел по работе с финансовыми инструментами. Этот отдел занимался вэбовками — в основном выплачивал доходы по облигациям. На базе этого отдела и было необходимо формировать депозитарий.

Очень запоминающейся для меня стала история с выпуском глобального сертификата ОВГВЗ 1999 года. Для его получения меня пригласили в Министерство финансов. Сертификат нужно было подписать у первого заместителя министра финансов Алексея Леонидовича Кудрина. Застать Кудрина было очень сложно, и начальник департамента Минфина Ирина Львовна Павловская, которая занималась этим вопросом, смогла «поймать» первого заместителя министра уже только поздно вечером. Было около 10 часов вечера, когда она передала мне сертификат. Я в тот день оказался без машины, и, положив сертификат в свой кейс, сел на метро и поехал к себе в депозитарий. Выйдя из метро, чтобы ехать дальше, я пересел на трамвай. И вот еду я в ночном трамвае и думаю про себя: «А ведь какково ощущать 1 млрд 300 млн долларов у себя в кейсе, едучи в городском трамвае!» И ведь понимаешь, что это не более чем бумага, а все же спокойно.

Как я уже упоминал, депозитарий Внешэкономбанка был создан 14 июля 1999 года. Первоначально в нем было 14 человек. Времени на раскачку у нас не было совсем. Вместе с обслуживанием вэбовок нужно было заниматься вопросами получения лицензии на депозитарную деятельность, постоянно проводить переговоры с владельцами III серии ОВГВЗ, срок оплаты по которым уже наступил, убеждая их не паниковать, а подождать, когда правительством будет принято решение в отношении этих бумаг, параллельно готовить документы на новацию, согласовывать их с Минфином, объяснять всем клиентам и, прежде всего

таким крупным, как Внешторгбанк, Сбербанк весь порядок обмена, чтобы они, в свою очередь, могли объяснить уже своим клиентам. Все это приходилось делать в отсутствие методологической и технологической базы.

Как всегда, в процессе становления депозитария встал вопрос о программном обеспечении для ведения учета. Руководство банка поставило перед новым подразделением такую задачу: посмотрите на рынке и выберите самую лучшую систему депозитарного учета. Вместе с другими специалистами банка мы ездили по компаниям-разработчикам, смотрели их продукты, но в результате решили разрабатывать такую систему самостоятельно. На наш взгляд, это было перспективнее и дешевле. Естественно, в этом был определенный риск, но к тому времени у меня уже был опыт работы по инсталляции системы Omi IC компании «Sunguard» во Внешторгбанке, опыт тесного взаимодействия с иностранными консультантами и программистами и четкое понимание, что от такой системы требуется для нас.

Причин для принятия того решения несколько. Во-первых, предлагавшиеся программы были неудобны для наших операционистов. Все эти системы работы в «многооконном» режиме, которые предлагались в то время на рынке, создавали дополнительные возможности для ошибок. Практически ни одна из предлагавшихся систем не позволяла осуществлять комплексное обслуживание «вэбовок» и, в частности, отражать в учете индивидуальные признаки каждого сертификата этих облигаций. Кроме того, было понятно, что такая система должна работать практически в автоматическом режиме, причем с использованием SWIFT. В конечном итоге можно сказать, что созданная нами система подтвердила правильность сделанного выбора, и сейчас со своими клиентами, а также с крупнейшими глобальными кастодианами CLEARSTREAM и EUROCLEAR мы работаем фактически в режиме «on-line», когда от отправки поручения нашим клиентом до получения выписки проходит 7–10 минут.

Депозитарий Внешэкономбанка появился, когда рынок депозитарных услуг уже обрел некоторую структуру. Поэтому нам было достаточно не просто занять свое место на нем. Сразу же после начала деятельности мы стали заниматься рекламой своего депозитария. Но достаточно часто случалось так, что нас путали с Внешторгбанком, и вместо того, чтобы идти к нам, клиенты обращались во Внешторгбанк. Даже сейчас, несмотря на то, что Депозитарий Внешэкономбанка знают, его все равно порой путают с ВТБ. Подобного рода трудности нас только раззадоривали, и мы все же сумели стать крупнейшим на российском рынке центром по обслуживанию международных еврооблигаций и иностранных ценных бумаг.

Несмотря на то, что Депозитарий ВЭБа создавался без готовой клиентской базы, на сегодняшний день в депозитарии обслуживается более 1200 клиентов, причем среди них более 200 российских банков, которые активно работают с международными еврооблигациями.

Для того чтобы в условиях конкурентного рынка занимать свою нишу, наш депозитарий постоянно ведет работу по повышению качества обслуживания клиентов. В этих целях за каждым более или менее солидным клиентом у нас закрепляется отдельный менеджер. Каждый день в депозитарии работает дежурная смена. Мы стараемся исполнить все поручения клиента в этот же день и работаем до тех пор, пока имеем возможность отправить поручения в международные клиринговые центры. Правда, такое сверхлюбящее отношение к клиентам имеет и свой недостаток — некоторые клиенты привыкли к этому и избаловались до такой степени, что всегда подают поручения в самый последний момент.

Обслуживание выпусков ОВГВЗ позволило Депозитарию Внешэкономбанка создать отлаженную технологию по работе с документарными ценными бумагами со всеми специфическими особенностями, присущими такому типу активов. Работа с ценными бумагами в наличном виде всегда гораздо сложнее и затратнее обслуживания безналичного оборота. Всегда остается опасность столкнуться с фальшивками. По степени защищенности бланки вэбовок были сравнимы с современными бумажными деньгами. Обладая большим опытом обслуживания документарных ценных бумаг, выпущенных в виде индивидуальных сертификатов, Внешэкономбанк стал одним из инициаторов перевода в безналичный оборот других широко распространенных ценных бумаг, выпускаемых в наличном виде — векселей.

Рынок векселей сложился достаточно быстро, однако он был крайне неорганизованным, векселя часто физически перемещались из одного конца страны в другой, что, естественно, было небезопасно, также бывали случаи хождения фальшивых векселей известных эмитентов. Все это увеличивало риски при совершении операций с такими ценными бумагами. Для того чтобы перевести рынок ряда эмитентов в безналичную форму, Внешэкономбанк предложил другим участникам рынка, регуляторам, профессиональному сообществу идею создания на базе своего депозитария специального вексельного центра, где для организации учета и оборота векселей использовались бы депозитарные технологии, которые к тому моменту в ВЭБе уже были отточены. Была разработана специальная программа страхования векселей и страхования ответственности на случай приема фальшивых векселей.

С этой инициативой мы вышли к участникам рынка. Идея нашла поддержку как среди участников НАУФОР, так и членов других ассоциаций

профучастников рынка, которые ощущали, что работа с векселями в наличном виде становится все рискованнее.

Первым масштабным проектом должна была стать вексельная программа ОАО «АВТОВАЗ», с которым Внешэкономбанк договорился об обслуживании безналичного оборота векселей. После того как программа была запущена, первым, кто взял из хранилища векселя в наличном виде и вывел их из безналичного обращения, стала инвестиционная компания, которая изначально горячо поддержала идею вексельного центра. Мы неоднократно встречались с представителями компании и убеждали их отказаться от идеи, которая противоречила их первоначальному настрою и вообще логике безналичного обращения документарных бумаг. Ведь после изъятия бумаг из депозитария, при последующем приеме уже не будет 100%-й уверенности, что передаваемые на хранение ценные бумаги подлинные или на них не наложены какие-либо ограничения соответствующими органами. Однако наши партнеры мотивировали свои действия пожеланиями своих клиентов, которые хотят, якобы, «вживую» видеть принадлежащие им векселя. У нас, правда, было подозрение, что они решили сделать аналогичный вексельный центр уже на базе своей компании.

В общем, мы потихонечку свернули эту затею, хотя были мысли, конечно, пойти дальше, заключить договоры с Внешторгбанком, Росбанком, Сбербанком и создать мощный центр по безналичному обслуживанию векселей на базе нескольких крупнейших депозитариев. В дальнейшем Внешэкономбанк реализовал несколько вексельных программ АВТОВАЗа, но вскоре этот автогигант перешел на обслуживание во Внешторгбанк и начал выпускать корпоративные облигации.

В течение всей новейшей истории современной России Внешэкономбанк работал в очень непростых условиях. Сначала дефолт 1991 года и блокирование средств на счетах. Затем в течение нескольких лет работа фактически в подвешенном состоянии, без какого-либо определенного будущего. Переход в 2002 году в ВТБ вместе с Председателем банка значительной части команды, который сопровождался массовым переводом клиентов на обслуживание во Внешторгбанк. Последующая непростая работа по внешним долгам России и пристальное внимание к банку при реализации пенсионной реформы, когда банк стал управлять накопительной частью пенсионных отчислений. Однако во всех этих непростых условиях банк смог не просто выстоять, но и активно развиваться, привлекая клиентов и постоянно совершенствуя технологии, и депозитарий Внешэкономбанка всегда участвовал и участвует в этом развитии.

Агент глобализации

Самим названием Внешэкономбанку было предопределено работать не только на российском, но и на внешних финансовых рынках. Так было изначально, при создании и развитии банка в советское время, так осталось и в наши дни. В свою очередь, Депозитарий Внешэкономбанка

является одним из центров обслуживания российских клиентов не только по российским, но и иностранным еврооблигациям, другим ценным бумагам, обращающимся за рубежом. Такие услуги оказываются банком через контрагентов — крупнейшие клиринговые центры Euroclear и Clearstream.

После кризиса 1998 года достаточно продолжительное время ни Euroclear, ни Clearstream не открывали счета российским депозитариям. Работа с некоторыми российскими банками во время кризиса для них обернулась убытком, видимо, связанным с невозвратами по предоставленным в виде ценных бумаг кредитам. Именно по этой причине, когда после создания депозитария мы, представители ВЭБа, обратились в Euroclear, то нам категорически не хотели открывать там счета. Сначала мы просто в письменном виде неоднократно обращались в эту организацию, потом поехали убеждать сотрудников Euroclear непосредственно в Бельгию. Вести переговоры было поручено мне, и я хорошо помню то скептическое отношение, с которым нас встретили в Euroclear.

К тому времени у меня уже был опыт общения с этим крупнейшим клиринговым центром. В 1997 году Euroclear открывал для проведения операций в ОВГВЗ счет во Внешторгбанке, и переговоры по этому вопросу было поручено вести мне. Изначально Euroclear был намерен проводить операции с российскими ГКО. Тогда это был первый выход крупнейшего клирингового центра на российский рынок. Но в процессе общения, когда от нас представители Euroclear узнали о том, как работает рынок ГКО и рынок ОВГВЗ, они выбрали для начала работы «вэбовки». Мы уже были близки к подписанию договора, когда на меня председателю Внешторгбанка Дмитрию Тулину нажаловался начальник управления ценных бумаг. Суть его претензий была следующая: если сейчас подписать с Euroclear договор, то совсем скоро рынок ОВГВЗ уйдет вонне, большинство операций будет проводиться внутри Euroclear. Такая угроза была достаточно реальной. Но у нас не было альтернативы, так как у Euroclear была возможность сделать то же самое, но только не через ВТБ, а через какой-нибудь другой крупный российский банк. Даже если бумаги физически размещались бы у нас, между нами и Euroclear просто появился бы посредник, и запретить или помешать Euroclear мы не могли. Поэтому, с моей точки зрения, было бы правильно самим руководить этим процессом и работать непосредственно с Euroclear. Остановить процесс мы уже не могли. Да и стоило ли это делать, если мы хотим сделать Россию серьезным участником мирового финансового рынка?

Когда мне пришлось столкнуться с Euroclear уже во второй раз, при открытии счета для Внешэкономбанка, нам пришлось из кожи вон лезть, чтобы убедить их открыть нам счет. Пришлось идти на всевозможные хитрости. Когда стало понятно, что процесс затягивается окончательно, я позвонил Марселю Мессингу — менеджеру, с которым я общался в Euroclear по вопросам открытия счета и пожаловался, что меня вызывает Председатель Внешэкономбанка, а ему звонил премьер-министр

А. А. Ремнев

Касьянов, чтобы узнать, почему до сих пор Внешэкономбанк не открыл счет в Euroclear. Других аргументов уже просто найти было невозможно. Но, в конце концов, вода камень точит, и мы получили согласие от директоров Euroclear на открытие счета. Эпопея, которая длилась около полугода, закончилась.

Международный клиринговый центр по ценным бумагам Euroclear открыл на имя Внешэкономбанка счета для обслуживания еврооблигаций, иностранных ценных бумаг и АДР. Об этом сообщила в пятницу пресс-служба ВЭБа. Euroclear открыл на имя ВЭБа два счета: для обслуживания ценных бумаг банка и для обслуживания бумаг, принадлежащих клиентам депозитария ВЭБа. По сообщению Euroclear, Внешэкономбанк стал первым российским банком-депозитарием, которому открыты счета в системе Euroclear за последний год.

Вкратце. Euroclear открыл счета ВЭБу//
Ведомости. 18.12.2000

В настоящее время Euroclear несколько либерализовал политику открытия счетов для клиентов из России. Но по-прежнему счета открываются только наиболее крупным российским банкам.

Оказывая услуги по доступу для российских участников к международному рынку еврооблигаций, мы периодически делаем совместные презентации с представителями Euroclear и Clearstream, выпускаем брошюры и каталоги, в которых рассказываем о различных финансовых инструментах. Все эти мероприятия, естественно, помогают нам лучше сориентировать наших клиентов на работу с теми или иными инструментами, но также иногда оказываются во вред нам самим — выслушав все преимущества работы с международными клиринговыми центрами, некоторые клиенты решают самостоятельно открывать счета в таких центрах и проводить операции без нашей помощи. Однако мы все-таки исходим из позиции, что такая деятельность необходима, ведь таким образом мы развиваем рынок в целом. Эта задача ставится перед нами руководством банка. Ведь по большому счету развитие рынка — это задача государства, а депозитарий Внешэкономбанка это, по сути, единственный государственный депозитарий в России.